

БАРОН
НАСЛЕДИЕ

18+

МегаМегафон
Барон Наследие.

«Автор»

2026

МегаМегафон

Барон Наследие. / МегаМегафон — «Автор», 2026

Он стал Лютым, чтобы защитить семью. Она Алевтина, дразнила его, смеялась и уехала за океан. Другая, Виталина — умирала в белой палате, никому ничего не сказав. Их пути сойдутся. Как? Скоро узнаете. Следите.

© МегаМегафон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 3. Двойник	8
Глава 4. Тот, кто не отпускает	11
Глава 5. Ночь, которая всё меняет	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

МегаМегафон Барон Наследие.

Барон. Наследие...

Два года назад. Он не хотел.

Он забрал власть у отца. Не потому, что мечтал. Не потому, что стремился. Потому что иначе нельзя. Отец был болен. Отец был опасен. Отец тронул бы Данияра. Тронул бы Аврору. Тронул бы всех, кого Лёшка любил. Лёшка не мог этого допустить. И он пришёл к нему. В тот самый дом. В ту самую комнату. Сказал: «Ты больше не барон. Я забираю власть. Тишина. Не рыпайся. И ты останешься жить. Тронешь мою семью — я сотру тебя в порошок. Не посмотрию, что ты отец».

Отец смотрел на него. Долго. Потом усмехнулся. Сказал: «Ты не справишься. Ты слишком мягкий. Тебя сожрут». Лёшка не ответил. Вышел. Закрыв дверь. И начал.

Он думал, что справится. Что будет просто. Что люди примут его. Он был наивным. Две недели он пытался быть дипломатом. Две недели он ходил на встречи, улыбался, договаривался. Две недели они делали вид, что слушают. А потом напали.

Четверо. В его доме. В его спальне. Они знали, где он спит. Значит, знали всё. Лёшка успел выстрелить один раз. Потом — рукопашная. Нож, кулаки, зубы, чужая кровь, своя — не считал. Он вышел из дома через два часа. С пробитым плечом, с рассечённой бровью, с чужой жизнью на руках. Свою — едва не потерял.

Он сидел на бетонном полу, прислонившись к стене, и смотрел на тела. Четверо. Все мертвы. Он не помнил, как убивал последнего. Не помнил, как схватил нож. Не помнил, как наносил удары. Помнил только страх. Не за себя — за них. За сестру. За её мужа. За Бороду. За тех, кто стал его семьёй.

В том доме умер наивный Лёшка. Тот, кто верил в добро. Тот, кто думал, что можно договориться. Тот, кто не умел убивать. Вместо него родился Лютый.

Его откачали. Борода привёз врача. Данияр сидел в коридоре с пистолетом. Аврора плакала на кухне. Лёшка, когда пришёл в себя, посмотрел в потолок и сказал: «Всё. Больше не повторится».

С тех пор он стал другим.

Не монстром — зверем.

Не жестоким — расчётливым.

Не бездушным — просто уставшим.

Он носил маску. На людях — лёгкий, смешной, несерьёзный. Шутил, подкалывал Бороду, подмигивал Авроре. А за закрытыми дверями снимал её. Смотрел в одну точку. Глотал виски. И молчал.

Люди боялись его. Уважали. За глаза называли Лютым. Он не запрещал. Пусть боятся. Это защищало его семью. И её.

Алевтину.

Свадьба.

Он стоял у окна, сжимая бокал с шампанским, и смотрел, как гости танцуют. Данияр и Аврора кружились в центре зала. Аврора смеялась, запрокинув голову. Данияр улыбался — редко, но искренне. Лёшка был рад за них. Правда. Но внутри грызло что-то. Не зависть. Другое. Он не мог назвать.

— Ты чего такой кислый? — раздался голос за спиной.

Лёшка обернулся. Алевтина. В длинном чёрном платье, с распущенными волосами, с бокалом в руке. Смотрела на него свысока. Он усмехнулся.

— А ты чего такая колючая? Праздник же.

— Я всегда такая, — сказала она.

— Заметил.

— И что?

— И ничего. Привык уже.

Она подошла ближе. Остановилась рядом. Смотрела на танцпол.

— Хорошая свадьба, — сказала она.

— Да, — сказал он. — Аврора красивая.

— А ты с кем пришёл? С девушкой своей?

— Нет, — сказал Лёшка. — Один.

— А где она?

— Не твоё дело.

Она повернулась к ним. Посмотрела в глаза.

— Ты всегда такой грубый? Или только со мной?

— Только с тобой. Ты же меня послала. — сказал он.

— Лестно.

— Не за что.

Она хотела уйти. Он взял её за локоть. Она замерла.

— Ты хорошо помогла тогда, — сказал он. — Когда следили за Бородой. Спасибо. Но то, как ты обошлась со мной после...

— Я не для тебя старалась. А после, ничего и небыло. — сказала она.

— А для кого?

— Для брата. Для семьи.

— А я — не семья?

Она посмотрела на его руку, которая держала её локоть. Он не убирал.

— Ты — брат невестки, — сказала она. — Не больше.

Он усмехнулся. Отпустил.

— Я уезжаю, — сказала она.

— Куда?

— За границу. Работа.

— Надолго?

— Не знаю. На год. Может, больше.

Он молчал. Смотрел на неё.

— Будешь скучать? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— Врёшь.

— Вру, — сказал он.

Она улыбнулась. Первый раз за вечер.

— Пока, Лёша, — сказала она.

— Пока, Аля, — сказал он.

Она ушла. Он смотрел ей вслед. Сжимал бокал. Думал о том, что она уезжает. Что он, возможно, никогда её больше не увидит. Что это к лучшему. Потому что если она останется — он не сможет притворяться. А притворяться он умел.

Два года назад.

Палата была маленькой. Белые стены, белые простыни, белый свет. За окном — серое небо и редкие птицы. Виталина сидела на кровати, поджав ноги, сжимала в руке телефон. На голове — платок. Под платком — лысая голова. Результат химиотерапии.

Она смотрела на экран. Фото. Данияр и Аврора. Свадьба. Белое платье, чёрный костюм, счастливые глаза. Её брат. Её сестра-близнец — Алевтина — стояла рядом, улыбалась в камеру, держала букет.

Виталина провела пальцем по экрану. Улыбнулась. Заплакала.

— Привет, — сказал Данияр в трубку. — Ты где? Мы тебя ждали.

— Я на работе, — сказала Виталина. — Командировка. Меня непустили. Прости, брат.

— Как не пустили? Ты моя сестра. Я бы договорился.

— Не получилось. — Она сглотнула. — Я очень хотела быть на свадьбе. Свами, сейчас брат. Поздравляю. Ты счастлив?

— Счастлив, — сказал Данияр. — Аврора передаёт привет. И Алевтина.

— Скажи Алевтине, чтобы вела себя потише. Не пугала гостей.

Данияр засмеялся.

— Она уже всех перепугала. Даже Бороду.

Виталина улыбнулась. Слёзы текли по щекам.

— Бросай всё, — сказал Данияр. — Приезжай. Я дам тебе работу в компании. Твой брат теперь легальная личность. Не бойся.

— Я не боюсь, — сказала она. — Я скоро. Как только закончу дела.

— Когда?

— Не знаю. Но скоро. Передай Авроре, что я её люблю. И что платье у неё шикарное.

— Передам. Ты как? Голос какой-то...

— Устала, — перебила Виталина. — Много работы. Я позвоню.

— Хорошо. Береги себя.

— Ты тоже, брат.

Она отключила телефон. Положила на тумбочку. Провела рукой по голове. Платок сполз. Лысая, бледная, худая. Ей было двадцать два. Она выглядела на все сорок.

Отец никогда не интересовался ими. Мать умерла рано. Данияр вытащил себя сам. Алевтина — тоже. Виталина всегда была тихой. Не лезла. Не спорила. Работала в больнице. Медсестрой. А потом заболела.

Она не хотела говорить. Не хотела, чтобы её жалели. Не хотела, чтобы брат бросал дела. Не хотела, чтобы сестра летела через океан. Она хотела одного — выжить. И чтобы никто не знал.

Она посмотрела в окно. Птицы улетали на юг. Ей хотелось с ними. Но она была здесь. В белой палате. Одна.

— Ничего, — сказала она себе. — Я справлюсь.

Телефон завибрировал. Сообщение от Алевтины: «Ты где пропала? Приезжай. Скучаю».

Виталина улыбнулась. Написала: «Скоро. Целую».

Убрала телефон. Легла. Закрывает глаза. За окном шумел ветер. В палате было тихо.

Она знала: правда откроется. Рано или поздно. Но не сегодня. Сегодня она хотела побыть сильной.

Даже если внутри всё рассыпалось.

Глава 3. Двойник

Два года спустя. Москва. Офис Данияра

Виталина вошла в кабинет брата робко, но с улыбкой. Волосы отросли до плеч — не те роскошные локоны, что были раньше, но живые, настоящие. Она чувствовала себя лучше. Болезнь отступила. Не ушла полностью — врачи говорили о ремиссии, о наблюдении, о тихой радости, которая называется «пока всё хорошо». Виталина не жаловалась. Она была жива. И этого хватало.

— Ты хотела меня видеть? — спросил Данияр, отрываясь от бумаг.

— Я хочу работать у тебя, — сказала она. — В компании. Ты же предлагал.

Он встал. Подошёл. Обнял.

— Конечно. Ты моя сестра. Какие вопросы?

— Я серьёзно, — сказала она, отстраняясь. — Не просто так. Я хочу быть полезной.

— Будешь, — сказал он. — У нас есть отдел... Впрочем, потом разберёмся. Главное — ты здесь. И выглядишь кстати хорошо. Ты не приезжала два года, как уже?

— Спасибо, брат. Да. Даже больше двух лет. Я пойду тогда.

Она уже взялась за ручку двери, когда он окликнул:

— Виталина.

Она обернулась.

— А ты знакома с Лёшкой? С братом Авроры?

Она удивилась.

— Нет, брат. Я слышала о нём, но лично не знакома. А что?

Данияр засмеялся. Громко, по-мальчишески, как в детстве.

— Иди сюда. Садись.

Она вернулась. Села напротив.

— Я хочу поиздеваться над ним, — сказал Данияр. — Не говори ему, что ты не Алевтина. Хоть вы и похожи — но ты другая.

— Брат, зачем? — она нахмурилась. — Я не думаю, что это хорошая идея. Он сразу поймёт. Мы же разные.

— А ты притворись ею. Говори как она. Она его не раз посылала — и ты сможешь. — Данияр снова засмеялся. — Хочу видеть его физиономию, когда он узнает правду. Когда увидит вас вместе после.

— Надолго?

— Через неделю Аля приезжает. Тебе придётся только неделю поиграть.

— Неделю? — Виталина сомневалась. — Я не актриса.

— А ты просто будь собой. Только чуть злее. И не смейся над его шутками. Аля никогда не смеётся.

Виталина вздохнула. Посмотрела на брата. На его хитрые глаза. На улыбку, которую не могла спрятать.

— Ты уговорил, — сказала она. — Но если он меня убьёт — это будет на твоей совести.

— Не убьёт, — сказал Данияр. — Он Лютый, но не дурак. А если убьёт — я скажу Авроре. Она его сама прибьёт.

Виталина засмеялась. Впервые за долгое время — легко, свободно. Вышла из кабинета, всё ещё улыбаясь.

Загородный дом. День

На следующий день Данияр позвонил.

— Приезжай в загородный дом. С документами. И не забудь о моей просьбе.

Виталина вздохнула. Села в машину. Поехала.

Дом стоял в сосновом лесу. Тишина, только ветер. Когда она подъехала, у крыльца уже стояла чужая машина. Виталина вышла, поправила волосы. Надела маску — холодное лицо, прямой взгляд, никаких улыбок.

Она зашла в дом.

Там уже были гости. Борода, Вера, Аврора, Данияр. И он. Лёшка. Высокий, широкоплечий, в чёрной футболке. С лёгкой небритостью и улыбкой, которая не сходила с лица.

Виталина замерла на пороге. Он повернулся. Увидел её. Нахмурился.

— А ты здесь какими судьбами? — спросил Лёшка.

Она вспомнила просьбу брата. Сделала голос холодным.

— К брату, — ответила она. — Документы подписать.

— А я думал, ты за границей окопалась.

— Вернулась. Работаю в компании у Данияра.

— Повезло ему, — сказал Лёшка.

— Не твоё дело, — отрезала она и пошла к беседке.

Данияр поднялся, обнял сестру.

— Ты вовремя, — сказал он. — Шашлык только начался.

— Я ненадолго, — сказала она. — Документы и поеду.

— Поешь сначала, — сказал Данияр. — Вера готовит божественно.

Виталина посмотрела на Веру, на её живот. Смягчилась.

— Поздравляю, — сказала она. — Я Алевтина.

— Вера, — ответила Вера. — Приятно познакомиться.

Виталина села за стол, разложила документы. Лёшка сел напротив. Смотрел на неё. Она игнорировала.

— Долго ты собираешься дуться? — спросил Лёшка.

— Я не дуюсь, — ответила она, не поднимая головы.

— А что тогда?

— Работаю.

— Документы можно и в офисе подписать.

— А я хотела брата повидать.

— И меня заодно?

— Тебя — в последнюю очередь.

Лёшка усмехнулся.

— Жёстко ты со мной, Аля.

— Не называй меня так, — она подняла голову. В глазах — холод.

— А как тебя называть? Коллега? Сотрудница? Та, с которой мы когда-то...

— Замолчи, — перебила она. — Не при всех. — она не понимала зачем так сказала.

— А что? Правда глаза колет?

— Ты сам виноват.

— Я? — Лёшка встал. — Я виноват? Это ты тогда...

— Лёша, — сказал Данияр. — Не сейчас.

— А когда? — Лёшка сел. — Она меня бесит.

— Взаимно, — сказала Виталина.

Они замолчали. Все смотрели то на одного, то на другую. Вера перевела взгляд на Бороду. Тот пожал плечами.

— Они всегда так, — прошептал он. — Что-то случилось. Не знаю что. Но, ненавидят друг друга. Или не ненавидят. Сами не поймут.

— А ты не вмешивался? — спросила Вера.

— Я в свои дела вмешиваюсь. А в чужие — нет.

Лёшка взял шампур. Виталина — документы. Они делали вид, что не замечают друг друга. Но каждый раз, когда их взгляды встречались, воздух искрил.

Артём прибежал с пруда, крикнул:

— Дядя Лёша! Тётя Аля! Идите рыбу смотреть!

— Я иду, — сказал Лёшка, вставая.

— А я нет, — сказала Виталина.

— Ты всегда не идёшь, — сказал Лёшка и ушёл.

Виталина смотрела ему вслед. Вера заметила, как её пальцы сжали ручку.

— Ты его любишь, — тихо сказала Вера.

Виталина резко повернулась.

— Что?

— Я сказала: ты его любишь.

— С чего ты взяла?

— По глазам вижу.

Виталина молчала. Потом усмехнулась.

Она встала, взяла документы, пошла к машине.

— Документы подпишешь потом, — сказала она Данияру. — Я позвоню.

— Хорошо, — сказал Данияр.

Она ушла. Лёшка смотрел ей вслед с берега.

— Идиотка, — сказал он.

— Сам идиот, — сказал Данияр.

— Согласен, — сказал Лёшка.

Все засмеялись. А Виталина села в машину и уехала. В голове крутилось: «Ты его любишь». Она не знала. Не хотела знать. Боялась узнать. Влюблена ли Алевтина в него.

Но сердце билось быстрее. И она не могла это контролировать.

Глава 4. Тот, кто не отпускает

Лёшка стоял на крыльце, смотрел, как её машина исчезает за поворотом. В голове гудело. Он не понимал, что происходит. Алевтина была другой. Не такой, как всегда. Мягче, что ли. Или нет. Он не мог понять.

— Она подстриглась, — сказал он себе. — Ей идёт.

Данияр вышел следом, закурил.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего, — ответил Лёшка. — Думаю.

— О чём?

— О твоей сестре.

Данияр усмехнулся.

— О какой?

— О той, которая меня бесит.

— Их две, — сказал Данияр.

— Я знаю, но с другой не знаком. — сказал Лёшка.

Он замолчал. Вспомнил.

Полгода назад

Он позвал её тогда. Сказал: «Артём скучает по тёте. Приезжай». Она приехала. Они остались вдвоём в его доме. Артём уснул рано. Они сидели на кухне, пили чай, молчали. А потом он не выдержал.

Он встал, подошёл к ней, зажал у стены.

— Почему ты ведёшь себя так? — спросил он. — Я же знаю, ты меня хочешь. Так же, как и я тебя. С того момента, как ты уложила меня в доме Данияра и прижала нож к горлу.

Она смотрела на него. Не отводила взгляд. Улыбалась. Дразнила.

— Два года прошло, — сказал он. — А ты бегаешь от меня.

Она не отталкивала. Не притягивала. Просто смотрела.

— И что ты предлагаешь? — спросила она.

— Чтобы ты перестала притворяться.

— А если я не притворяюсь?

— Врёшь.

— Проверь.

Он поцеловал её. Не нежно — жёстко, жадно. Она ответила. На секунду. А потом — пощёчина. Звонкая, хлёсткая. Он отшатнулся. Она вышла из кухни. Через десять минут уехала.

С тех пор они не виделись. До сегодня.

Настоящее время

Лёшка смотрел на озеро. Просто сидел. И думал. О том, что она делает с ним. О том, что не может забыть её взгляд. Её улыбку. Её пощёчину.

Потом посмотрел на дорогу, где исчезла её машина.

— Она изменилась, — сказал он.

— Кто? — спросил Данияр.

— Алевтина.

— А, — Данияр усмехнулся. — Это ты так думаешь.

— А что?

— Ничего. Время покажет.

Лёшка посмотрел на него. Не понял. Не хотел понимать.

— Поеду, — сказал он.

— Куда?

— Дела.

У него было только одно дело. Алевтина. И она сводила его с ума. Он поехал к ней.

Он сел в машину. Завёл двигатель. Поехал.

Не к себе. Не к Бороде. Туда, где, как он думал, она живёт. Он не знал, что её там нет. Что Алевтина всё ещё за границей. Что та, кого он видел сегодня, — другая. И живёт в её квартире.

Он ехал и думал: «Дурак. Какой же я дурак». Но остановиться не мог. Потому что если он остановится — он признает, что проиграл. А он не умел проигрывать.

Он был Лютым. Но перед ней — просто Лёшкой. Который не знал, как её забыть. И не хотел.

Глава 5. Ночь, которая всё меняет

Дом. Два часа ночи

Он приехал к ней в два часа ночи. Стучал, пока не открыла. Она стояла на пороге, заспанная, в его футболке (той самой, которую Алевтина когда-то забрала). Волосы растрёпаны, глаза щурятся от света. Лёшка замер. Сердце ёкнуло. Он не ожидал увидеть её такой. Домашней. Неприступной. И от этого ещё более желанной.

— Ты же знала, что я приеду, — сказал он. — Почему удивлена?

— Я не думала, что в два часа ночи в гости ходят, — ответила она.

— Я не в гости. Я поговорить.

— Нельзя было позвонить?

— Ты не берёшь трубку.

Она молчала. Он прошёл внутрь. Она закрыла дверь.

— Я не могу тебя забыть, — сказал он. — Сожалею, что ты ушла в прошлый раз. Что мы так разошлись.

— Лёша...

— Не перебивай. Дай сказать.

Она замолчала.

— Тебе идёт короткая стрижка, — сказал он. — Ты выглядишь лучше, чем раньше.

Она смотрела на него. Внутри всё дрожало. Она знала, что должна сказать правду. Что эти слова — не ей. Что он говорит не той, кому предназначено.

— Лёша, — сказала она. — Эти слова... не по адресу.

— Что? — не понял он.

— Я не...

Она не успела договорить. На лестничной площадке послышались шаги. Двое. Тяжёлые, быстрые. Лёшка сразу почуял неладное. Привычка. Инстинкт. Он рукой подвинул её к стене, заслонил собой.

Дверь выбили. Первый влетел с ножом. Лёшка развернулся, сбил его ногой с разворота. Тот рухнул. Второй бросился с ножом, но Лёшка перехватил руку, вывернул, ударил головой о стену. Всё — за несколько секунд.

Он схватил её за руку. Выбежали.

Машина. Погоня

Он посадил её на заднее сиденье. Сам за руль. Двигатель взревел. Они вылетели со двора. Сзади — две чёрные машины. Догнали. Стреляли.

— Голову! — крикнул он. — Нагнись!

Она вжалась в сиденье. Пули щёлкали по кузову.

— Машина бронированная? — спросила она.

— Да, — сказал он. — Держись. Нам надо оторваться.

— У тебя телефон с собой? Мой сел.

— Мой дома.

— Чёрт.

Он вёл машину резко, на пределе. Петлял по дворам, выскакивал на встречу, нырял в подземные паркинги. Она сжимала ремень безопасности, смотрела на него. Спокойный. Сосредоточенный. Злой.

— Ты как? — спросил он, когда они наконец оторвались и выехали на пустынную трассу.

— Нормально, — сказала она. — Просто не ожидала такого.

Он начал смеяться. Громко, нервно, облегчённо.

— Ты забыла, как мы убегали от людей Бороды? — спросил он.

Она промолчала. Он не знал, что она ничего не забыла. Потому что её там не было.

— Опасно возвращаться, — сказал он. — Поедем в лесной домик.

— К Вере? — спросила она.

— Нет. В другой.

Они ехали в тишине. Она смотрела в окно. Он смотрел на дорогу. И на неё.

Лесной домик

Он остановил машину у старого дома. Тёмные окна, скрипучее крыльцо, запах сосны и тишины. Вышел, подал ей руку. Она не взяла. Вылезла сама.

Он позвонил в дверь. Никто не открыл. Он достал ключ из-под коврика.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Редко, — сказал он. — Но ключ всегда на месте.

Они зашли. Дом был холодным, но чистым. Печка, кровать, стол, свечи. Лёшка закрыл дверь на засов. Зашторил окна.

— Здесь не опасно, — сказал он. — Переночуем. Утром решим, что дальше.

Она села на край кровати. Сжала край футболки. Его футболки. Он заметил.

— Ты в моей футболке, — сказал он.

— Место пижамы, удобно, — сказала она.

— Она тебе идёт, — сказал он. — Как и стрижка.

Она посмотрела на него. Внутри всё кричало: скажи. Скажи, что ты не она. Что ты другая. Что эти слова — не тебе.

— Лёша, — начала она.

— Давай спать, — перебил он. — Устал. Ты, наверное, тоже.

Он лёг на пол. Она — на кровать. Свечи горели. В доме было тихо.

— Лёша, — сказала она.

— М?

— Зачем ты приехал?

Он молчал. Потом сказал:

— Потому что я не могу без тебя.

Она закрыла глаза. Ничего не сказала. Он лежал на полу, смотрел в потолок, и думал о том, как же сильно он влип.

А она — о том, что утром придётся сказать правду. И что после этого он её больше не заметит. Или уйдёт. Или останется. Она не знала. Знала только, она не Алевтина.

Утро. Лесной домик

Лёшка проснулся первым. Свет пробивался сквозь щели старых штор, золотил пыль в воздухе. Он посмотрел на неё — спала на краю кровати, свернувшись калачиком, обхватив себя руками. Красивая. Даже растрёпанная. Даже без макияжа. Он заставил себя отвернуться. Встал. Вышел на крыльцо.

Наконец зарядил телефон, поймал сеть. Он набрал Данияра.

— Алло? — голос сонный, встревоженный.

— Это я, — сказал Лёшка. — На нас напали. Ночью. У неё дома.

— Что? Кто?

— Не знаю. Двое. Я их убрал. Мы уехали. Сейчас в лесном домике.

— Ты цел?

— Да. Она — да.

— Я сейчас Бороде позвоню. Его люди проверят, кто посмел. Вы сидите там. Не высовывайтесь.

— Сколько?

— Не знаю. День, два. Я дам знать.

— Хорошо.

— Лёшка.

— М?

— Береги её.

Лёшка усмехнулся.

— Она сама кого хочешь сбережёт. Ты свою сестру плохо знаешь.

— Знаю, — сказал Данияр. — Потому и прошу.

Он сбросил вызов. Зашёл в дом.

Она уже проснулась. Сидела на кровати, сжимая край футболки, смотрела на него. Взгляд — серый, глубокий, как озеро. Он почувствовал, что тонет. И не хотел выплывать.

— Кто звонил? — спросила она.

— Данияр. Велел сидеть тихо. Они разберутся.

— Надолго?

— Не знаю. День, два.

Она вздохнула. Он подошёл к печке, повернулся к ней.

— Ты умеешь колоть дрова? — спросил он.

— Нет, — сказала она, и в её голосе послышался вызов.

— А я умею, — он усмехнулся. — Будешь смотреть.

— Смотреть, как ты машешь топором? — она приподняла бровь. — Звучит не очень интересно.

— А ты не смотри на топор. Смотри на меня.

Она покраснела. Он заметил. Улыбнулся. Вышел во двор.

Двор

Он снял футболку. Не специально — жарко. Но когда услышал, как она выдохнула, понял — специально. Взял топор. Полено. Раз — расколол. Два — расколол. Три — наклонился, поднял дрова, развернулся. Она стояла в дверях, смотрела. На его спину, на шрамы. На то, как работают мышцы. Как блестит кожа на солнце.

— Ты пытаешься произвести впечатление? — спросила она.

Он обернулся. Усмехнулся.

— Да, — сказал он. — Когда будет такая возможность.

— А если я скажу, что не впечатлена?

— Скажешь — не поверю.

— Почему?

— Потому что ты краснеешь, — сказал он. — Каждый раз, когда я снимаю футболку.

Она замерла. Открыла рот, хотела что-то сказать, но не нашла слов.

— Вот видишь, — сказал он и снова взялся за топор.

Она стояла в дверях. Смотрела. И не могла отвести взгляд.

Кухня. День

Она нашла картошку, лук, морковку. Ещё была крупа, специи, консервы. Она порылась в шкафах, достала кастрюлю, нож, доску. Он вошёл, когда она чистила картошку. Мокрый, уставший, красивый. Сел за стол. Смотрел на её руки.

— Ты умеешь готовить? — спросил он.

— Сюрприз, — сказала она, не поднимая головы.

— Сама Алевтина умеет готовить? Это что-то новенькое.

— А я не Алевтина, — сказала она тихо, но он не расслышал.

— Что?

— Я сказала: сюрприз.

Он смотрел на её руки. Ловкие, быстрые, аккуратные. Она резала, солила, помешивала. Пахло вкусно. Он сглотнул. Не от запаха.

— Ты за мной наблюдаешь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты красивая.

Она замерла. Повернулась. Посмотрела на него.

— Ты всегда такой наглый? — спросила она.

— Только с тобой.

Она отвернулась. Продолжила резать. Руки дрожали.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно.

— Врёшь.

Она не ответила.

Ужин

На столе стоял ужин. Картофельное пюре, тушёные овощи, котлеты из консервов — не шедевр, но съедобно. Он попробовал. Поднял бровь. Посмотрел на неё.

— Вкусно, — сказал он.

— Правда?

— Ты удивилась? Думала, я скажу «нормально»?

— Да, — сказала она.

— Нормально, — сказал он.

Она засмеялась. Он — следом. Смотрел на неё, смеющуюся, и думал: «Боже, какая же она красивая, когда смеётся». А она смотрела на него и думала: «Завтра скажу. Обязательно».

— Ты вообще дружишь с овощами? — спросил он.

— Овощи меня любят, — сказала она.

— А я?

Она посмотрела на него. Долго. В упор.

— Ты — не овощ, — сказала она.

— А кто?

— Не знаю, — сказала она. — Ещё не поняла.

— Поняла, — сказал он. — Просто не хочешь признаваться.

Она промолчала. Он не настаивал. Они ели молча. За окном темнело.

Ночь. Жар

Он проснулся от шума. Сел. Прислушался. Ничего. Только её дыхание — частое, тяжёлое. Она спала, но вся дрожала. Он подошёл. Протянул руку ко лбу. Горячий.

— Ты меня слышишь Аля? — спросил он.

Она не ответила. Открыла глаза, но смотрела сквозь него.

— Не хочу умирать, — прошептала она. — Боюсь. Боюсь боли. Темноты. Не хочу.

— Аля? — он растерялся. — Ты меня слышишь?

Она не слышала. Она бредила.

Он выбежал на улицу. Принёс аптечку из машины. Внутри — таблетки от жара, бинты, зелёнка, обезбол. Слава богу. Он дал ей воды, помог проглотить таблетку.

— Глотать умеешь? — спросил он.

— Умею, — сказала она слабо.

— Вот и отлично.

Он ухаживал за ней всю ночь. Менял мокрые полотенца на лбу, давал воду, поправлял одеяло. Она дрожала. Он лёг рядом. Обнял. Прижал к себе. Растирал её спину, плечи, руки.

— Всё будет хорошо, — шептал он. — Я здесь.

— Ты всегда здесь? — прошептала она сквозь сон.

— Всегда, — сказал он. — Даже когда ты не хочешь.

Она не ответила. Но дрожь неотступала. Она прижималась ближе. Он не отпускал.

Утро. Объятия

Они проснулись в обнимку. Её голова лежала у него на плече, его рука — на её талии. Она открыла глаза. Увидела его лицо — близко, очень близко. Не отстранилась. Он проснулся следом.

— Извини, — сказала она, отстраняясь от него.

— Ты о чём? — спросил он.

— Я... вчера. Температура. Я бредила. Что-то говорила...

— Ты сказала, что боишься умирать, — сказал он. — И темноты. И боли.

Она замолчала.

— Это не от тебя зависит, — сказал он. — Ты как?

— Лучше, — сказала она. — Спасибо.

— Не за что.

Он убрал руку. Встал. Она осталась лежать. Смотрела на него.

— Лёша, — сказала она.

— М?

— Ты хороший.

— Не надо, — сказал он. — Ты никогда не говоришь таких слов.

Она закрыла глаза. Сказала себе: завтра. Завтра скажу. Обязательно.

Он вышел на крыльцо. Закурил. Смотрел на лес. Думал о том, что эта женщина — сводит его с ума.

Она смотрела на него из окна. На его спину, на его руки, на его профиль.

— Завтра, — прошептала она. — Я скажу завтра.

Утро. Лесной домик

Лёшка смотрел на неё. Странно. Как будто видел в первый раз. Или в последний. Она открыла глаза, встретила с его взглядом — и внутри всё оборвалось. Слишком пристально. Слишком тяжело. Слишком — как перед пропастью.

— Не смотри на меня так, — сказала она, отворачиваясь. — Со мной всё хорошо.

— Это простуда? — спросил он.

— Скорее, из-за вчерашнего стресса, — она села, поправила футболку. — Кстати, я хочу душ принять. Я знаю, здесь это невозможно, но я видела, как ты оттуда шёл мокрыми волосами. Там что — озеро?

— Речка, — сказал он. — Но тебе нельзя. У тебя температура.

— Температура уже спала, — она встала, потянулась. — Я себя нормально чувствую. И пахну, как солдат после недели в окопах.

— Ты пахнешь вкусно, — сказал он.

Она замерла.

— Что?

— Я сказал — иди ищи полотенце, — он усмехнулся. — Оно в шкафу, на верхней полке.

Она покачала головой, но улыбнулась. Пошла искать полотенце. Он смотрел ей вслед.

Речка

Он вёл её через лес тропинкой, которую знал наизусть. Она шла за ним, сжимала полотенце, смотрела на его спину. Солнце светило, птицы пели. Обычное утро. А ей казалось — последнее.

— А здесь красиво, — сказала она.

— Не жалуешься? — спросил он.

— Пока нет.

Они вышли к реке. Вода была чистой, прозрачной, холодной. Над ней нависала старая ива, а с неё свисала верёвка с узлом — тарзанка.

— Ого, — сказала она. — Это что?

— Тарзанка, — сказал он. — Прыгаешь — и в воду.

— Ты прыгал?

— А ты как думала?

— И как?

— Страшно, — сказал он. — Но весело.

Она подошла к обрыву. Заглянула вниз. Сердце ёкнуло.

— Высоко, — сказала она.

— Не смотри вниз, — сказал он. — Смотри на меня.

Она повернулась. Он стоял в двух шагах, улыбался.

— Ты хочешь, чтобы я прыгнула? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты не боялась, — сказал он.

— А если я не умею плавать?

— А я умею, — сказал он. — Вытащу.

Она смотрела на него. Долго. Потом взяла верёвку.

— Научишь? — спросила она.

— Держись крепче, — сказал он, встал за спиной, обхватил её руки своими. — Разбегись.

Не останавливайся. И не закрывай глаза.

— Почему?

— Потому что красиво.

Она разбежалась. Прыгнула. Он — следом. Они летели над водой, кричали, смеялись.

Потом — холод, брызги, тишина. Она вынырнула, отфыркиваясь. Он — рядом.

— Ты как? — спросил он.

— Жива, — сказала она. — А ты?

— Счастлив, — сказал он.

Она посмотрела на него. Мокрая, счастливая, живая. Он смотрел на неё. И не мог отвести взгляд.

— Что? — спросила она.

— Ничего, — сказал он. — Просто смотрю.

— На что?

— На тебя.

Она покраснела. Отвернулась. Поплыла к берегу.

День

Они купались, смеялись, брызгались. Он показывал, как нырять, она делала вид, что учится. Он рассказывал истории про Бороду, она смеялась. Она рассказывала, что-то о себе, что не выдавало её. Он слушал, не перебивал. Смотрел на её губы, когда она говорила. На её руки, когда она жестикулировала. На её глаза — серые, глубокие, как та самая река.

— Ты сегодня другая, — сказал он.

— Какая?

— Счастливая.

— А разве я не всегда такая?

— Нет, — сказал он. — Ты всегда злая. Колючая. Неприступная.

— Может, я просто устала быть такой?

— А какой ты хочешь быть?

Она посмотрела на него. Долго.

— Свободной, — сказала она.

Он не спросил, от чего. Боялся услышать ответ.

Ужин

Она снова готовила. Он сидел за столом, смотрел на её руки. Ловкие, быстрые, аккуратные. Она резала, солила, помешивала. Пахло вкусно.

— Ты сегодня молчаливый, — сказала она.

— Думаю, — сказал он.

— О чём?

— О тебе.

— Что именно?

— Почему ты не такая, как раньше.

Она замерла. Повернулась.

— А какая я была раньше?

— Другой, — сказал он. — Холодной. А сейчас — тёплой.

— Может, это ты стал другим?

— Может, — сказал он. — А может, я просто не знал тебя настоящую.

Она отвернулась. Продолжила готовить. Руки дрожали.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Холодно, — сказала она.

— Врёшь.

Она не ответила.

Они ели молча. Но молчание было не тяжёлым — уютным. Как у тех, кому не нужно говорить, чтобы понимать.

— Вкусно, — сказал он.

— Правда?

— Правда.

— Спасибо.

— Тебе спасибо, — сказал он. — За этот день.

— За что?

— За то, что была собой.

Она посмотрела на него. Улыбнулась.

— Ты странный, Лёша.

— Знаю, — сказал он. — Но тебе нравится.

Она не ответила. Не спорила.

Ночь

Они лежали в темноте. Он — на полу, она — на кровати. Свечи догорали.

— Лёша, — сказала она.

— М?

— Можешь пообещать кое-что?

— Что?

Она помолчала.

— Сегодня я была счастлива. Как никогда. Как нигде. Чтобы ни случилось — запомнишь меня такой?

Он молчал долго. Она думала, уснул. Не ответит.

— Мне понравилась сегодняшняя ты, — сказал он наконец. — Обещаю, я запомню тебя такой. А ты меня — таким.

— Я тоже, — сказал он. — Аля... хоть и улыбаюсь при родных, я стал другим. Иногда сам себя не узнаю.

— А тебе страшно? — спросила она.

— Не знаю. Мне страшно за родных. А за себя — не боюсь. А ты?

— Что?

— Почему ты бредила о том, что боишься темноты? Ты же не боялась никогда.

Она засмеялась.

— На то он и бред, Лёш.

— Логично, — сказал он.

Они замолчали. Она закрыла глаза. Он смотрел в потолок.

— Спокойной ночи, Лёш, — сказала она.

— Спокойной ночи, Аля, — сказал он.

Утро. Машина

Он проснулся от шума мотора. Выглянул в окно. Данияр. Вышел из машины, закурил, ждад.

Лёшка вышел на крыльцо. Данияр улыбнулся.

— Ну, рассказывайте, — сказал он. — Я весь во внимании.

— Сначала скажи, что с теми, кто напал? — спросил Лёшка.

— Разобрались, — сказал Данияр. — Можешь не переживать. Борода всё уладил.

— А мы?

— А вы — поехали. Аврора ждёт. У нас гости будут.

Лёшка обернулся. Виталина стояла в дверях, сжимая край футболки. Смотрела на него. Данияр обнял её.

— Собирайся, — сказал он. — Едем.

— Куда?

— Ко мне.

Она кивнула. Ушла в дом.

Данияр посмотрел на Лёшку. Усмехнулся.

— Ты влюбился, Лёш — сказал он.

— Пошёл ты, — сказал Лёшка.

— Сам пошёл, — сказал Данияр.

Они засмеялись. Виталина вышла. Они сели в машину. Уехали.

Лес остался позади. А впереди — неизвестность. И двое, которые не знали, что будет завтра. Но знали, что будут вместе. Хотя бы сегодня.

Дом Данияра. День

Они переоделись. Виталина надела простое светлое платье, которое нашла в шкафу Авроры — та настояла: «Бери, тебе идёт» по верх свитор, ей было холодно. Волосы распустила, подкрасила губы. Смотрела в зеркало и не узнавала себя. Красивая. Живая. Почти счастливая.

Лёшка вышел из душа, натянул джинсы, чёрную рубашку. Волосы ещё мокрые. Увидел её выйдя из комнаты — замер.

— Что? — спросила она.

— Так, — сказал он. — Смотрю.

— На что?

— На тебя.

Она покраснела. Отвернулась.

— Пойдём, — сказала она. — Гости скоро будут.

Двор. Качели

Виталина качалась на качелях с Артёмом на коленях. Мальчик смеялся, кричал «выше, тётя Аля, выше!» Она смеялась, отталкивалась ногами, волосы развевались на ветру. Лёшка стоял у окна, смотрел. Он видел, как Алевтина играла с малышом раньше — всегда серьёзно, без лишних эмоций. А эта... эта была озорной. Живой. Настоящей. Ему нравилось за ней наблюдать. Всё больше и больше.

— Тётя Аля, догоняй! — крикнул Артём, спрыгнул с качелей и побежал.

— Догоню! — крикнула она и побежала следом.

Они носились по двору, прятались за кустами, смеялись. Лёшка смотрел и не мог отвести взгляд.

Кухня. Салат

Аврора готовила ужин. Виталина вызвалась помочь с салатом. Резала огурцы, помидоры, зелень. Аврора ушла за специями. Лёшка стоял в гостиной, смотрел на неё через открытую дверь. Она резала, и прядь волос всё время падала на лицо. Она пыталась убрать её, не касаясь руками — сдвигала. Раз, второй, третий. Дула, дула, но волосы не слушались.

Он подошёл тихо. Встал за спиной. Протянул руку, убрал прядь за ухо. Она замерла. Потом он медленно потянулся к ней. Поцеловал. Не спрашивая. Не раздумывая. Она закрыла глаза. На секунду. Потом отшатнулась — как будто обожглась.

— Нельзя, — сказала она. — Неправильно.

— Что неправильного, Аля? — спросил он.

Она смотрела на него. Внутри всё дрожало.

— Я не Аля, Лёш.

Он усмехнулся. Не поверил.

— Что?

В этот момент за окном засигналили. Данияр крикнул из прихожей:

— Лёшка! Идите сюда! Гости приехали!

Он взял её за руку.

— Мы не закончили, — сказал он.

Она сглотнула тяжело.

— Мы и не начинали, — сказала она.

Выдернула руку. Вышла.

Крыльцо

Данияр стоял на крыльце, смеялся.

— Лёшка, иди сюда! — крикнул он.

Лёшка вышел. Данияр хлопнул его по плечу, усмехнулся.

— Смотри, кого я привёз.

Из машины вышла Алевтина. В короткой юбке, в топе, волосы распущены. Увидела всех — подмигнула. Показала язык. Авроре. Бороде. Вере. И ему.

Лёшка замер. Смотрел на неё. Потом медленно повернул голову. Посмотрел на Виталину, которая стояла на крыльце, сжимая край платья. Посмотрел на Алевтину. Снова на Виталину. Так минуту. Может, пять.

— Они... они что — близняшки? — спросил он.

Голос сел.

— А почему никто никогда не говорил об этом?

Аврора вышла на крыльцо, вытирая руки полотенцем.

— Лёш, ты чего? Ты что, не знал? У Данияра две сестры. Мы думали, ты в курсе.

— Я не в курсе! — он почти крикнул. — Я думал... я думал...

— Что ты думал? — спросила Алевтина, подходя ближе.

Она подбежала к нему. Обняла. Крепко. Не отпускала.

— Всё, — сказала она громко. — Будьте свидетелями. Я согласна встречаться с тобой. Я всё решила. И поцеловала его в щеку, долгим поцелуем.

Лёшка смотрел на Виталину. Та смотрела на него. Бледная. Глаза блестят. Край платья сжимает так, что костяшки побелели.

— Аля, — сказал он. — Аля...

— Что — Аля? Ты меня доставал. Я уезжала. Думала. Вернулась. Решилась. Всё. Точка. Виталина смотрела на него. Долго. Потом развернулась. Ушла.

Не побежала. Пошла. Медленно, по дорожке, к калитке. Не обернулась.

Лёшка стоял. Смотрел ей вслед. Не знал, что сейчас происходит. Не знал, что делать. Кого выбирать. Хотел ли выбирать.

Алевтина обнимала его. Он не обнимал в ответ. Стоял. Как статуя. Как Лютый, который вдруг забыл, кто он.

— Лёш? — спросила Алевтина.

Он не ответил.

Аврора взяла Данияра за руку. Тот вздохнул.

— Ну, ты и устроила, — сказал он.

— Я? — Алевтина обернулась. — Это я устроила? Это ты привёз меня сюда.

— Я привёз тебя, потому что ты сказала, что готова.

— А я готова! — она снова повернулась к Лёшке. — Я готова. А ты?

Он не ответил. Смотрел на дорогу, где исчезла Виталина.

Дом Данияра. Вечер

Они зашли в дом. Сели за стол. Аврора наливала чай, Борода крутил в руках кружку, Вера гладила его по плечу. Артём и Мишка уже убежали играть наверх. Алевтина села напротив Лёшки. Смотрела на него. Он смотрел в стол.

— Ты чего такой кислый? — спросила она.

Он не ответил.

— Ты не рад? Не хочешь встречаться? — она наклонила голову, усмехнулась. — Лёш, я вообще-то думала. Решилась. А ты молчишь как рыба об лёд.

Он поднял глаза. Посмотрел на неё. На её знакомые черты. На её усмешку. На её уверенность. И ничего не почувствовал. Ничего. Пустота.

— Я рад, — сказал он.

— Не похоже, — сказала она.

Он встал. Вышел из-за стола.

— Ты куда? — спросил Данияр.

— Наверх, — сказал Лёшка. — Голова болит.

Он поднялся по лестнице. Не нарочно. Просто ноги сами понесли. В коридоре второго этажа он увидел её. Виталина выходила из ванной, вытирала руки полотенцем. Увидела его — замерла.

Он схватил её за руку. Не грубо — быстро. Открыл дверь маленькой комнаты — гостевая, редко используемая, с креслом и старым шкафом. Затащил её внутрь. Закрыл дверь на замок.

— Пусти, — сказала она. — Что ты делаешь? Нас могут увидеть.

— Зачем? — спросил он. Голос низкий, чужой. — Зачем ты это сделала? Зачем притворялась?

— Я не хотела, — сказала она. — Брат сказал. Он хотел пошутить. А я... я просто согласилась.

— Просто согласилась, — повторил он. — Просто согласилась? Спала в моей футболке. В глаза смотрела. Улыбалась.

Он дышал тяжело. Смотрел на неё. Не отрываясь.

— И что теперь? — спросил он.

— А что теперь? — она усмехнулась. — Алевтина, которую ты так хотел, согласилась с тобой встречаться.

— А ты?

— А что я? — она пожала плечами. — Я здесь случайно. Временно. Притворялась. Скоро уеду. Ты меня больше не увидишь.

Он смотрел на неё. На её губы, которые говорили такие спокойные, такие правильные слова. На её глаза — серые, глубокие, в которых он тонул.

— А ты? — повторил он.

Она не ответила.

В коридоре раздался голос Алевтины:

— Виталина! Ты где? Пойдём чай пить!

Виталина шагнула к двери. Её плечо коснулось его груди. Она открыла дверь.

— Мы ещё не закончили, Виталина, — сказал он.

Она обернулась. Посмотрела на него. Улыбнулась. Невесело.

— Мы ещё даже не начали, Алексей. Очень приятно познакомиться, кстати.

Она вышла. Он остался в комнате. Слышал, как сестры обнимаются в коридоре, как Алевтина что-то говорит, смеётся. Не разбирал слов. Не хотел.

Он не выходил долго. Стоял у окна, смотрел в темноту. В голове было много всего. И он не мог расставить это по полочкам. Кто она. Зачем пришла. Почему он не может забыть её улыбку. Почему Алевтина, которую он добивался два года, вдруг стала чужой. А та, которую он не знал, — своей.

Он вышел, когда голоса утихли. Спустился в гостиную. Никого не было — все разошлись по комнатам, кто-то на кухню, кто-то наверх. Он налил себе виски. Сел в кресло у камина.

В гостиную зашли сёстры. Алевтина впереди, Виталина за ней. Они не заметили его. Сели на диван, взяли бокалы. Говорили тихо, смеялись.

Он смотрел на них. На Алевтину — сильную, красивую, уверенную. На Виталину — тихую, хрупкую, ту, которая улыбалась так, что у него сердце останавливалось. Он пил виски. Смотрел. И не знал, что делать. С кем остаться. Кого отпустить. И зачем он вообще в это ввязался.

— Ты не спишь? — спросила Алевтина, заметив его.

— Не хочется, — сказал он.

Она подошла. Села на подлокотник кресла. Положила руку на его плечо.

— Ты странный сегодня, — сказала она.

— Устал, — сказал он.

— Тогда иди спать.

— Потом.

Она пожала плечами. Вернулась к Виталине.

Лёшка смотрел на них. На её руку, которая только что лежала на его плече. На её лицо. И не чувствовал ничего. Кроме тоски по той, другой. Которая смотрела на него сейчас через всю комнату. Серыми глазами. В которых было всё. Боль, страх, надежда. И любовь. Которую он не заслужил.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Встал. Пошёл наверх. Не оглянувшись.

Виталина смотрела ему вслед. Алевтина — на неё.

— Что между вами было? — спросила Алевтина.

— Ничего, — сказала Виталина.

— Врёшь.

— Правда.

— Я тебя знаю, — сказала Алевтина. — Ты врёшь, когда смотришь в сторону.

Виталина промолчала. Встала.

— Я спать, — сказала она.

— Виталина...

— Спокойной ночи, Аля.

Она ушла. Алевтина осталась одна. Смотрела на камин. Думала. И не знала, что делать. С кем бороться. И стоит ли.

Ночь. Комната Виталины

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.